А. В. ШАБАШОВ

ГАГАУЗЫ — РЕЛИКТ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ (ТЮРКО-БОЛГАР, ПЕЧЕНЕГОВ, ОГУЗОВ, ПОЛОВЦЕВ): ПО МАТЕРИАЛАМ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

Гагаузы — тюркоязычный народ, расселяющийся на юге Молдовы и сопредельных территориях Украины, куда они переселились из Османской империи в конце XVIII — начале XIX вв. Происхождение гагаузов — одна из наиболее дискуссионных проблем в науке, их считают то отуреченными болгарами, то потомками турок-сельджуков, тюрко-болгар, печенегов, огузов, половцев и т. д. [42, 154–160; 40, 324–335]. Поскольку этноним "гагауз" поздно появляется в литературе (первая половина XIX в.) [35, 179] и отсутствуют прямые исторические источники, проливающие свет на их происхождение, в основу изучения проблемы должны лечь данные об их культуре и языке.

Мысль о связи гагаузов с одним или сразу с несколькими средневековыми тюркскими народами Северного Причерноморья была высказана уже первыми исследователями этого народа. Так, братья К. и Х. Шкорпилы [45; 5], Г. Занетов [17] и др. считали их потомками дунайских тюрко-болгар (протоболгар), К. Иречек — кумано-узов (которых он не разграничивал) [19, 8], А. Манов — огузов [24, 10], В. Мошков — печенегов, огузов или черных клобуков, переселившихся на Балканы после монголо-татарского нашествия [28, 29] и т. д. Она базируется на правильно подмеченном факте переселения и постепенного оседания на Балканском полуострове, прежде всего в Северо-Восточной Болгарии,

многочисленных групп кочевников, передвигавшихся через Северное Причерноморье из Центральной Азии.

Так, компактное расселение тюрко-болгар в Болгарии прослеживается по археологическим и историческим источникам в районе между современными городами Преслав — Нови Пазар — Толбухин (Добрич) — Варна — Провадия [7], что, в общем, совпадает с ареалом расселения гагаузов в Болгарии до их переселения в Пруто-Днестровское междуречье [43, 13–14].

В 1040-х гг. печенежский предводитель Кеген как византийский союзник переселился на Балканы с 20 000 человек. Эта орда была поселена в Придунавье в качестве пограничного населения. Но и остальные печенеги, предводительствуемые Тирахом (по византийским источникам, в количестве 800 000 человек), в 1048 г. перешли Дунай, однако были разбиты и поселены в районе Средеца (Софии), Ниша, Овче Поле и других местах. Вскоре печенеги восстают и самовольно переселяются в степи Северо-Восточной Болгарии [5, 7–17]. Таким образом, печенеги, так же, как и тюрко-болгары, расселяются на будущих этнических территориях гагаузов. Этот факт отразился и в топонимии, так, в румынской Добрудже имеется село Печенеги [19, 213–214].

В 1064 г. 600 000 огузов (узов), вслед за печенегами, переходят через Дунай и остаются на Балканах. Многие огузы поселяются в Южной Добрудже, усиливая и так значительный здесь тюркский компонент [5, 26–29; 18, 114–118, 182–184]. Историки того времени отмечают, что в XI—XII вв. на этой территории — колыбели гагаузского этноса — "образовалась странная смесь бродячего населения, составленного из самых разнообразных элементов"; "здесь можно было встретить людей всякого языка" [5, 33].

Наконец, начиная с XI в. в Болгарию проникает и куманский (кыпчакский) этнический элемент. Его присутствие в Болгарии было столь значительным, что куманам удается возглавить восстание, направленное против Византии, и восстановить болгарскую государственность. Во главе Второго Болгарского царства стояли куманские династии Асеневцей, Тертеровцев, Шишманов. Существует предположение и о массовом поселении куманов в Добрудже [30, 630–635; 4, 12].

Однако приведенные факты лишь косвенно свидетельствуют о преемственности между тюрко-болгарами, печенегами, огузами, куманами, с одной стороны, и с гагаузами — с другой. Для подтверждения этой гипотезы требуется обнаружить в культуре гагаузов (включая язык) такие

черты, которые связывали бы их с соответствующими средневековыми народами.

Попытки отыскать такие элементы были предприняты в советской этнологии и лингвистике. В этнологии впервые попытался найти кочевые "северотюркские" элементы в культуре гагаузов Г. Е. Марков [25]. Эти исследования продолжил М. Н. Губогло [10; 11; 13]. Однако практически эта попытка, хотя и открыла важное направление поиска, оказалась неудачной [42, 156, 166–172].

Напротив, Н. А. Баскакову удалось показать некоторые черты, сближающие язык гагаузов с тюрко-болгарским и кыпчакским языками, что дало ему основание выделить огузо-булгарскую подгруппу внутри огузской группы тюркских языков, к которой он отнес, помимо живого гагаузского, язык балканских тюрков и мертвые — печенежский и язык узов [1, 253–255]. Вместе с тем, ряд языковых параллелей между этими народами в настоящее время можно значительно расширить.

Язык.

Н. А. Баскаков отметил две черты, сближающие язык гагаузов с языками северопричерноморских кочевников [1, 253–255]. Это:

1. Палатализация согласных перед передними гласными с деформацией этих передних гласных в соответствующие задние. Например, *гаг.* ***бян*** (***б'ан***) вместо ***бен*** "я", ***к'ес'м'а*** вместо ***кесме*** "не режь". Эта же черта характерна для чувашского и караимского языков.
2. Глухой **к** вместо звонкого **г** других огузских языков (черта, сближающая с кыпчакскими языками). Добавим — также с мертвым печенежским, в котором, возможно, эта черта была исконной, а также с современным чувашским. Например, *гаг.* ***кыз*** вместо ***гыз*** "девушка", ***кара*** вместо ***гара*** "черный".

Данный ряд можно продолжить следующими параллелями [39, 113–120]:

В области фонетики.

3. Оглушается не только звонкое **г**, характерное для огузской группы, но, зачастую, и звонкие у огузов **б**, реже — **д**: ***пазар*** вместо ***базар*** "воскресенье, базар"; ***таа*** вместо ***даа*** "еще".
4. Замещение некоторых гласных в начале слова дифтонгами и дифтонгоидными сочетаниями характерно для чувашского

языка: ***йерт*** вместо ***ерт-*** "водить"; ***выра́н*** вместо ***орын*** "место" [1, 232]. У гагаузов в начале слова передние гласные. обычно, йотируются, что, как считал Н. К. Дмитриев, резко отличает гагаузский от других тюркских языков [15, 226]: ***йек'м'ек'*** вместо ***екмек*** "хлеб", ***йер'*** вместо ***ер*** "земля", а задние губные в ряде говоров приобретают протетическое **-в**: ***воолу*** вместо ***оолу*** "сын", ***волдуу*** вместо ***олдуу*** "прошлое, событие прошлого".

5. Для гагаузского, также как и для волжско-болгарского и кубанско-болгарского, характерно выпадение общетюркского **гъ** в интервокальной позиции [34, 58; 38, 49]. Например, *гаг.* ***саалык*** вместо ***сагъалык*** "здоровье", ***аач*** вместо ***агъач*** "дерево".
6. Переход широких гласных в узкие — характернейшая черта языков — наследников булгарского: чувашского ("укающий" диалект — анатри), татарского и башкирского [3, 14]. Эта же черта, по Н. А. Баскакову, проникла под влиянием тюрко-болгар и в язык кыпчаков. Данная особенность широко представлена и в гагаузском языке: ***буба*** наряду с ***боба*** "отец", ***к'ираца*** наряду с ***к'ераца*** "младшая сестра мужа".
7. Смягчение согласных перед и после узких гласных: ***г'ӱв'а*** "зять", ***г'ел'ин'*** "невестка", что также характерно для чувашского языка [16, 35].
8. Фонетическая тенденция к открытости последнего слога, свойственная, главным образом, чувашскому языку [8, 25], также имеет место в гагаузском языке, где спорадически выпадают конечные **-к, -р**: ***топлама*** вместо ***топламак*** "собирать" (инфинитив); *кызла* вместо *кызлар* "девушки".
9. Распространенность долгих гласных, что характерно как для чувашского [16, 35], так и для гагаузского.
10. Для гагаузских диалектов характерно смещение ударения с последнего слога (общетюркского) на первый: ***ка́ртал*** вместо ***карта́л*** "орел"; ***га́рга*** вместо ***гарга́*** "ворона". Эта же тенденция прослеживается в чувашском и характерна для монгольских языков.

В области лексики.

Ряд лексем гагаузского языка имеет тюрко-болгарские, кыпчакские, возможно, печенежские параллели. Исследователи указывали на лексические тюрко-болгаризмы и кыпчакизмы в гагаузском языке [9, 12–14; 33, 4].

Нами этот список был значительно расширен [39, 113–118]. Часть из него имеет дискуссионный характер, другие — не вызывают сомнения: ***хараны*** "большой медный котел, использовавшийся в хозяйстве пастухов дойного стада овец" = *болг. диал.* ***харания***, *чув.* ***харан/хуран*** вместо *тюрк.* ***казан*** "казан"; ***болай*** "пусть, хоть бы" = *башк.-тат.* ***булай*** вместо *огуз.* ***ол***; ***нестя*** "это; это вот" = *башк.-тат.* ***нэстэ***; ***аллем /алле / аллелем*** "кажется; видимо; наверное" = *башк.-тат.* ***аллэ***; ***тепя*** "холм, вершина" (?); ***бöбрек*** "почка" (?); ***пелтек*** "шепелявый, косноязычный" (?); ***йерген*** "молодой человек, холостяк" = *чув.* ***еркĕн*** "любовник" (?); ***бойар*** "надменный человек" (возможно, через *слав.*); ***булгар*** "болгарин" (*болг.* ***българин!***); ***тукан*** "болгарин" = *чув.* ***тукан*** "родственник" вместо *тюрк.* ***tuγan***; ***чучу/чичу*** "брат отца"; ***батӳ/бати*** "старший брат"; ***лелӳ*** "сестра отца и сестра матери"; ***каку*** "старшая сестра"; ***булӳ*** "жена старшего брата" = *кыпч.* и *монг.* ***bölö***; ***кераца*** "младшая сестра мужа" = *чув. диал.* ***кĕрӳ***; ***мыджа*** "брат отца" = *чув.* ***моджи/муджи*** "старший брат отца"; ***пита*** "обрядовый хлеб из пресного теста" = *чув.* ***пата*** "каша", "жертва кашей" (но *ит.* ***пицца***?); ***гель буран*** "неферментированное, молодое вино"; ***потмар*** "поросенок" (?); ***ал*** "конь", ***алаша*** "рабочая лошадь" = *чув.* ***аллаша*** "лошадь"; ***чöлмек*** "горшок" = *чув.* ***чӳлмек*** (но *тур.* ***çömlek***); ***тербе*** "вожжи" = *чув.* ***тилгебе***, *монг.* ***делбеге*** из — "кожа", которая *по-гаг.* ***дери***; ***чупак*** "лиф платья"; ***чукман*** "платье из домотканой шерсти" = *чув.* ***сăхман*** "кафтан"; ***шыпырты*** "шуршание" = *чув.* ***шăпăр*** "метла; веник"; ***чатмаа*** "дойти" = *чув.* ***чăт*** "терпеть, переносить"; ***белли*** "заметный, явный, очевидный, ясный" = *куб.-болг.* ***belüg/belüh/belüγ***; *дун.-болг.* ***bälä/biläg*** "памятник"; *гаг. диал.* ***шаран***, *тюрко-болг.* ****шаран*** вместо *тюрк.* ***сазан*** "карп".

При этом следует иметь в виду лексическую близость всех тюркских языков. Учитывая многовековое воздействие на гагаузов со стороны турецкого языка на Балканах [31], можно сделать вывод о значительном сохранении у гагаузов элементов языков тюрко-болгарского, вероятно, печенежского, огузского и куманского (кыпчакского), а, следовательно, о значительном их участии в формировании этого языка. Правда, нельзя не заметить, что некоторые из этих особенностей свойственны и балканским турецким диалектам (в отличие от анатолийских, азербайджанского и туркменского языков), на основе которых (стамбульского диалекта) шло формирование турецкого литературного языка [27, 15–16, 21].

Культура.

Элементы материальной культуры.

1. ***Хозяйство***. Хозяйство гагаузов сложилось в результате адаптации к специфическим условиям Балканского полуострова, а затем — Буджака, под различными этнокультурными влияниями. Некоторые его особенности, прежде всего, в сфере животноводства, особенно овцеводства, могут быть истолкованы как пережитки кочевого скотоводства. Такие, как сохранение отгонного овцеводства, при котором год делится на два сезона и в течение большего из них — лета — скот содержится на подножном корму под наблюдением особых чабанов за пределами села [40, 560–562]. Сохраняется достаточно богатая, тюркская по происхождению, терминология скотоводства [40, 556–557, 560], отдельные методы ухода за скотом, характерные для кочевников. Однако такие элементы культуры могли возникнуть и под влиянием скотоводства отгонного типа, издавна характерного для широкого балкано-карпатско-переднеазиатского ареала [40, 561]. Тем не менее, даже некоторые элементы земледельческой культуры гагаузов могут восходить к общетюркским древностям. Например, тип воловьего ярма (*гаг.* ***бойундрук***) (без нижней поперечины) объединяет гагаузов со среднеазиатскими тюрками (*буинтрук*), но противопоставляет соседям-славянам [40, 548–549].

2. ***Строительство и жилище***. Некоторые постройки гагаузов, также как строительные техники и другие особенности, имеют параллели у кочевников либо у полукочевого населения степи. Это — временные (сезонные) жилые постройки чабанов (*кулиба*, *бордей*), загородки, навесы для скота (*перде*) и террасы перед фасадом дома (*салмар*, *чалмар*, *кайдырма*) саманная, чамурная техника возведения стен, плетневые, обмазанные глиной стены, наличие печей с открытым очагом (*ватра*, *атешлик*) и прямым дымоходом (*баджалык*), типа каминов, приготовление пищи на открытом огне на треножнике (*саджак*) и т. п. В технике строительства, однако, вероятно также влияние поздних кочевников — ногайцев, на местах аулов которых селились предки современных гагаузов, а также обусловленность адаптацией к природно-географическим условиям степи [40, 600–617].

3. ***Костюм***. Костюм гагаузов, с одной стороны, носит ориентальный облик, с другой — впитал в себя влияние моды и различных этнокультурных влияний. Он близок к костюму других народов Балканского полуострова, в первую очередь — восточных болгар и балканских турок. Безусловно, в его сложении приняли

участие тюркские кочевники, впрочем, как и другие этнокультурные компоненты, но слабая изученность данной проблематики не позволяет проследить этапы и направления этого процесса. Можно отметить некоторые прямые параллели в костюме евразийских кочевников и гагаузов: овчинные штаны, шерстью внутрь, с широким шагом, типа галифе (*мишинь*), типы обуви (*чарык*, *терлик*), овчинные полушубки (*кÿрк*), шапки (*калпак*), женские пояса с серебряными пряжками (*колан* и *пахта*), женские украшения из серебряных и золотых монет, носимые на груди (*алтын*, *лефт*), типы орнамента, украшений одежды (например украшение гайтанами, шерстяными кисточками (*пÿскÿль*)), цветовая гамма и т. д. [40, 617–627].

4. ***Пища***. В народной кулинарии гагаузов имеется множество способов обработки и приготовления мясных и молочных продуктов, идентичных или близких к культуре евразийских кочевников. Это — различные способы обработки мяса для длительного хранения — *каурма* и *сызырма*, сушеное (*пастырма*), вяленое (*какачка*, *суджук*), копченое мясо, разнообразие видов кисломолочных продуктов (*йуурт*, *каймак*, *уйнук*, *пиинир*, *иишимик*, *нуур* и др). Хранение творога, брынзы в шкуре животных, мяса — в желудке. Элементы этикета при приеме пищи (строго регламентированное распределение частей животного, в соответствии со статусом совершающего трапезу).

Однако большинство названных продуктов стали общим фондом для народов Балканского полуострова, ряд из них мог быть сформирован не только в рамках кочевой евразийской культуры, но и у отгонных скотоводов Юго-Восточной Европы и Передней Азии (например, *пиинир* — брынза, широко представленная в Карпатском регионе). Тем не менее, не вызывает сомнения, что ряд особенностей кухни гагаузов переданы им их кочевыми тюркскими предками [40, 570–599].

5. ***Предметы быта***. Ряд предметов традиционного домашнего быта гагаузов имеют прямые параллели у тюрко-болгар, среднеазиатских тюркских народов, археологических древностях Центральной Азии (в частности, Восточного Туркестана). Среди них отметим: клепанные медные ведра специфической формы — *бакыр*, археологически известные у кыпчаков [33, рис. 82, п. 105, 106]; круглые столики-подносы (*гаг.* ***софра***) [26, рис. на с. 167], известные у волжских болгар [36, рис. 46, п. 43] и — археологически — в Центральной Азии [6, табл. 15, 1–4, 6]; типы сосудов со сложными носиками, близкие к салтово-маяцким (тюрко-болгарским) [36, рис. 46, п. 18, 19, 22, 24, 25, 28], деревянные фляги культового предназначения (*гаг.* ***чотра***), широко представленные

у средневековых болгар и хазар [36, рис. 29, п. 1], сосуды из тыквы-горлянки [46], распространенные и у среднеазиатских тюркских народов [37, рис. 18, п. 4] (*гаг.* ***сусак***, *узб.* ***су-кабак***), укладки постельных принадлежностей (***укь***, сравни с *рус.* ***вьюк***), тканные переметные сумки (*торба*) и мн. др.

Элементы духовной культуры.

1. У гагаузов в ряде этнографических групп на могилу после похорон устанавливают деревянные антропоморфные надгробные памятники. После годовых поминок на могилу ставят постоянный каменный или металлический памятник (крест), но деревянный оставляют на могиле. При этом деревянные антропоморфные памятники различаются по полу: в мужских навершие изготовлено в виде ромба или перевернутой трапеции, женские — круглые [40, рис. к с. 336–337]. Близкие к ним по форме деревянные памятники археологически зафиксированы у половцев [32, 59]. По всей видимости, они существовали у волжских болгар [36, 81], существуют у чувашей [40, 648–649], славяно-болгар [41, 287] и у мусульман — крымских татар. Подобные антропоморфные изображения также были широко распространены с древности и до этнографической современности у восточнотюркских народов [41, 290].

2. ***Культ предков***. Весьма характерен для всех тюркских народов. Для гагаузов также характерна сложная обрядность, связанная с погребением и поминанием умерших предков.

3. ***Культ волка***. Зафиксирован, в частности, у половцев (летописная легенда об участии Боняка в походе на венгров) [22, 153], а также у многих других тюркских народов [2, 220–221, 214–215]. Хотя он отсутствует у современных гагаузов, однако, у них существуют волчьи праздники — *йабанны йортулары*, в которых усматривают отображение древнетюркских обычаев [14, 12–13]. У гагаузов отсутствует слово, обозначающее волка, только табуированные названия: *курт* "червь", *йабанны* "дикий", *джанавар* "зверь" и др. Распространены соответствующие прозвища (а в прошлом и имена?): *Курт*, *Йабанны* (от них были образованы фамилии *Курдогло*, *Йабанджи*) и др.

4. ***Жертвоприношение*** (*курбан*). В элементах похоронной обрядности зафиксировано у средневековых тюркских кочевников: печенегов, огузов, половцев (наличие в могилах остатков заупокойной трапезы). Похоронное жертвоприношение строго соблюдается и у гагаузов. С чувашами сближает способ приготовления жертвенного барана — тушение с крупой (*булгуром*) (*чув.* "жертва кашей" [40, 575]), тогда как другие

группы Балканского полуострова готовят *курбан* иными способами (тушат одно мясо, запекают, варят) [40, 574].

5. В обрядности гагаузов также имеется целый ряд черт, сближающих их с другими тюркскими народами Евразии. Например, традиции заплетать невестам волосы в 12 косичек, устраивать вечер загадок в комплексе свадебной обрядности [21, 121–122], чрезвычайно враждебные столкновения между родственниками жениха и невесты при увозе невесты из родительского дома, возвращение невесты на некоторое время после свадьбы в родной дом, использование бараньей шкуры в свадебной обрядности [40, 645–648], соление воды при купании младенцев [21, 21] (отмечено у средневековых крымских татар) [12, 151]. Однако степень изученности проблемы, а также наличие для многих из них очень широких параллелей у народов различного происхождения не позволяет сделать однозначных выводов об их происхождении [40, 634–635].

Подводя итоги, следует сказать, что **ряд элементов материальной и духовной культуры гагаузов, так же как и особенности языка**, разграничивающие его от близкородственных огузских языков, в первую очередь от турецкого, **восходят к культуре средневековых тюркских кочевников степей Восточной Европы**: тюрко-болгар, печенегов, узов, куманов (кыпчаков). **Однако это не единственное направление этнокультурных связей гагаузов**, чье формирование проходило также под глубоким всесторонним воздействием местного автохтонного населения: славяноболгар, восточных романцев, греков, а также при значительном влиянии иранской и арабской (через турецкое посредство) цивилизации. **Кроме того, кочевые традиции не являются на Балканах исключительным достоянием гагаузов**. В той или иной мере они характерны для всех народов региона, включая наиболее близких по культуре к гагаузам болгар [42, 171–172]. Причем элементы кочевой цивилизации проникали в культуру народов Балканского полуострова не только путем включения и ассимиляции тюркских групп, но и через воздействие престижной межэтнической общеосманской культуры.

Нельзя не учитывать при рассмотрении поставленной проблемы также эволюции культуры, ее трансформации под воздействием самых различных факторов — экономических трансформаций, адаптации к различным природным условиям проживания, политика государств, в которых жили гагаузы, по отношению к этому этносу, влияние городской моды и городского быта, значительно проявлявшееся уже в Османской империи. Учитывая сказанное, очевидно, что даже традиционная

культура гагаузов XIX в. не может быть прямо сопоставлена с той или иной культурой начала I тыс. н. э. Этот самобытный народ — продукт длительной эволюции и влияния многообразных факторов.

Что касается проблемы соотношения различных, в том числе кочевых тюркских компонентов в этногенезе гагаузов, было бы наивным не только пытаться определить это соотношение, но даже выявить наиболее значимый (суперстратный) компонент, на основе которого формировался гагаузский этнос. В этом качестве могли выступать и тюрко-болгары, не до конца ассимилированные в славянской среде и ретюркизировавшиеся под влиянием новых волн колонистов, и печенеги, и огузы (созвучие этого этнонима с названием гагаузов не должно вводить в заблуждение, в составе тех же болгар, принявших имя от своих завоевателей, исконно болгарский (тюркский) компонент отнюдь не был доминирующим, кроме того, связь названий *огуз — гагауз* до сих пор остается гипотетической, поскольку убедительных доказательств в пользу этой гипотезы еще не приводилось [40, 338–344]), и даже куманы, огузизация которых имела место еще со времени их продвижения из Центральной Азии в Европу и могла усилиться на Балканах.

ЛІТЕРАТУРА:

1. *Баскаков Н. А.* Введение в изучение тюркских языков. — М., 1969.
2. *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — М.; Л., 1950. — Ч. 1.
3. *Богородицкий В. А.* Введение в татарское языкознание. — Казань, 1953.
4. Български диалектен атлас. — Т. 2: Североизточна България. — София, 1966.— Ч. 2.
5. *Васильевский В. Г.* Византия и печенеги (1048–1094) // Васильевский В. Г. Труды. — СПб., 1908. — Т. 1.
6. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Хозяйство, материальная культура. — М., 1995.
7. *Въжарова Ж. Н.* Славяне и прабългари (по дани на некрополите от VI—XI в. на територията на България). — София, 1976.
8. *Гаджиева Н. З.* Тюркские языки // Языки мира: Тюркские языки. — М., 1997.
9. *Гайдаржи Г.* Гагаузский язык // Сын Буджака. Светлой памяти Гаврила Аркадьевича Гайдаржи. — Кишинэу, 2000.
10. *Губогло М. Н.* Гагаузская терминология по скотоводству // Тюркская лексикология и лексикография. — М., 1971.
11. *Губогло М. Н.* Именем языка. — М., 2006.

12. *Губогло М.* Турецкий источник 1740 г. о Валахии, Молдавии и Украине // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. — М., 1964.
13. *Губогло М. Н.* Этнокультурные данные о кочевом прошлом гагаузов // Археология, этнография и искусствоведение Молдавии. (Материалы и исследования). — Кишинев, 1968.
14. *Диханов В. Я.* Календарна обрядовість болгар та гагаузів Південної України. Автореф. дис. … канд. істор. наук. — К., 2001.
15. *Дмитриев Н. К.* Строй тюркских языков. — М., 1962.
16. *Егоров В .* Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении. — Чебоксары, 1954. — Т. 1.
17. *Занетов Г.* Българското население в средните векове. — Русе, 1902.
18. *Златарски В. Н.* История на българската държава. — София, 1934. — Т. 2.
19. *Иречек К.* Няколко бележки върху остатъците от печнези, кумани, както и върху тъй нареченитє народи Гагаузи и Сургучи в днешна България // ПСп. — 1890. Год. 7. — Кн. 32–33.
20. *Иречек К.* Пътувания по България. — София, 1899. — Т. 2.
21. *Курогло С. С.* Семейная обрядность гагаузов в XIX — начале XX в. — Кишинев, 1980.
22. Літопис руський. — К., 1989.
23. *Манов А.* За гагаузите // ИВАД. — 1921. — Кн. 7.
24. *Манов А.* Потеклото на гагаузите: Техните обичаи и нрави. — Варна, 1938. — Ч. 1.
25. *Марков Г. Е.* Материалы по этнографии гагаузов // КСИЭ. — 1953. — Вып. 19.
26. *Маруневич М. В.* Материальная культура гагаузов, XIX — нач. XX в. — Кишинев, 1988.
27. *Моллова М.* Восточнородопский турецкий диалект (фонология) и его отношение к другим тюркским языкам и диалектам огузской группы. Автореф. канд. дис. — М., 1974.
28. *Мошков В. А.* Гагаузы Бендерского уезда. (Этнографические очерки и материалы). — Кишинев, 2004.
29. Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым. Тексты собраны и переведены В. Мошковым. — Ч. 10: Наречия бессарабских гагаузов. — СПб., 1904.
30. *Павлов П.* По въпроса за заселванията на кумани в България през XIII в. // Втори международен конгрес по българистика. Доклади. — Т. 6: Българските земи в древноста. България през средновековието. — София, 1987.
31. *Петров Н.* К вопросу о булгарско-чувашских лексических соответствиях // Втори международен конгрес по българистика. Доклади. — Т. 4: Сравнително и съпоставително езикознание. — София, 1989.
32. *Плетнева С. А.* Половецкие каменные изваяния // САИ. — М., 1974.

33. *Покровская Л. А.* Грамматика гагаузского языка. Фонетика и морфология. — М., 1964.
34. *Покровская Л. А.* Современный гагаузский язык (курс лекций). — Комрат, 1997.
35. Положение крестьян и крестьянское движение в Бессарабии 1812–1861 гг. История Молдавии. Документы и материалы. — Кишинев, 1969. — Т. 3. — Ч. 2.
36. Степи Евразии в эпоху средневековья. — М., 1981.
37. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. — Т. 1: Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1945–1948. — М., 1952.
38. *Хакимзянов Ф. С.* Булгарский язык // Языки мира: Тюркские языки. — М., 1997.
39. *Шабашов А. В., Шабашова М. Н.* Гагаузско-чувашские лингвистические параллели // Этногенез и этническая история гагаузов. Материалы и исследования, посвященные 150-летию В. А. Мошкова. — Кишинев; Етулия, 2002. — Вып. 1.
40. *Шабашов А. В.* Гагаузы: система терминов родства и происхождение народа. — Одесса, 2002.
41. *Шабашов А. В.* К проблеме генезиса антропоморфных надгробных памятников болгар Бессарабии // Україна і Болгарія: віхи історичної дружби (Матеріали міжнародної конференції, присвяченої 120-річчю визволення Болгарії від османського іга). Одеса, 29–31 жовтня 1998 р. — Одеса, 1999.
42. *Шабашов А. В.* К проблеме этногенеза гагаузов. Новые подходы // История и культура болгар и гагаузов Молдовы и Украины. (Сборник статей к 100-летию со дня рождения И. И. Мещерюка). — Кишинев, 1999.
43. *Шабашов А. В.* Этногенез // История и культура гагаузов. Очерки. — Кишинев, 2006.
44. *Шкорпил К.* Материали към въпроса за съдбата на прабългарите и северите и към въпроса за произхода на днешните гагаузи // Byzantinoslavica. — 1933–1934. — С. 5.
45. *Шкорпил К., Шкорпил Х.* Паметници на Одесос // Годишен отчет на Варненската държавна мъжка гимназия за 1897–1898 гг. — Варна, 1898.
46. *Vlah P.* Susak taa dünnaa kurulmasından. — Kişinöv, 2003.